

День независимости

Продолжаем публиковать «роман в колонках» журналиста Олега Кашина. Все персонажи вымышлены, все совпадения случайны

Глава 5

«Газель» остановилась у метро «Молодежная»; вообще-то это, конечно, был «Мерседес», но в России же все микроавтобусы — «Газели», по крайней мере, люди, которые выходили из микроавтобуса к метро, в этом не сомневались, для восьми из двенадцати это вообще был первый в жизни приезд «в Россию». Топтались в грязном снегу, смотрели на бесцветную толпу у входа в метро — ну, Москва и Москва, ничего особенного.

— ЕКХ — Еду Как Хочу, — показывая на номер «Газели», когда та уже начала разворачиваться через две сплошные, объяснил факультетский всезнайка Караваев. — Фэсэошная серия.

Караваев как бы ни к кому не обращался, даже смотрел куда-то в сторону, но, скорее всего, если бы среди этих двенадцати не было Олеси Балабенко, которая ему, конечно, нравилась — если бы ее не было, то он бы оставил свое знание про ЕКХ при себе, промолчал бы. А тут даже повезло — Олеся его не просто услышала, а даже заинтересовалась, спросила: «Фэсэо — это вот те дяденьки в костюмах, которые нас встречали, да?».

И Валера вдруг застеснялся, потом разозлился на себя из-за того, что застеснялся и, наверняка бездарно растратив очевидный шанс на дальнейшую заинтересованную беседу, которую вообще-то можно было бы конвертировать и в двухчасовую, до самого поезда, прогулку вдвоем по Москве, сердито ответил, что кому дяденьки, а кому майоры

да капитаны, и Олеся сразу стало неинтересно, она отвернулась.

Кто-то курил, остальные ждали, не заходили в метро — мысли погулять где-нибудь здесь не было ни у кого; вокруг был почти калининградский пейзаж — тоскливый, окраинный, как если бы кто-нибудь взял самый неприятный кусок Балтрайона и увеличил бы его раза в три. Больше этажей, больше снега, больше грязи, всего больше.

«Дети России путешествуют по России», — Караваев наконец-то вспомнил этот лозунг, под которым десять лет назад его, второклассника, привезли в Москву за счет бюджета Калининградской области — смотри, щенок, что ты променял на Миколайки и Закопане, это твоя родина, люби ее!

Щенок смотрел через замызганное окно казенного «Икаруса» на такую же, как сейчас, заснеженную грязную Москву и думал, что надо бы обязательно сказать родителям, что если они еще раз захотят отправить ребенка «в Третьяковочку» (до которой их автобус так тогда и не доехал, кстати), то он на них сильно обидится.

Десять лет его никто, слава Богу, и не тревожил, и продолжалось это до вчерашнего утра, когда в деканате появилась неприятная тетка из областного, он еще не привык к слову «республиканское», правительства и сказала, что срочно нужно двенадцать отличников съездить в Москву, как она сказала, с важной миссией. Что, как, зачем, куда — тетка не объяснила. Домой не дали съездить переодеться, даже билетов не покупали, просто схватили тех, кто был в коридоре и у кого был с собой паспорт, раздали под роспись по три тысячи рублей «на всякий случай», тетка сама и раздавала, и повели на вокзал. Фирменный «Янтарь» даже задержали на двадцать минут. Видимо, миссия действительно важная.

Вялый (такое прозвище, на самом деле — Саша Божков) достал из рюкзака пакет немецкого дешевого вина, почему-то у него всегда с собой было вино, выпили сразу же, каждому досталось по чуть-чуть, потом уговорили проводницу продать еще бутылку «Старого Кенигсберга» и к литовской границе были уже веселые, стали, как выразился Вялый, «угарать» над пограничниками — литовскими, конечно, не нашими, — пограничники хохотали в ответ, ну, литовцы вообще симпатичный народ. Потом и вечер наступил, а утром уже и Москва, башенки Белорусского вокзала.

Та тетка даже не сказала, кто будет встречать и куда вообще надо идти, но по этому-то поводу никто даже не нервничал, не встретят — так даже лучше, пойдем гулять и пусть у кого-нибудь другого голова по этому поводу болит (на самом деле голова-то после «Кенигсберга» болела у всех, даже у Олеси Балабенко), но нет, конечно, встретили — мужчина в черной куртке с опушкой, водитель той самой «Газели», которая на самом деле «Мерседес».

Повез их куда-то за город — по тому же Кутузовскому, по которому Караваева десять лет назад катали на грязном «Икарусе». Привезли — пансионат не пансионат, санаторий не санаторий. Посадили в столовой, накормили, вкусно, кстати. Включили телевизор, какая-то женщина, кажется, ткачиха, — ну, промышленная рабочая какая-то, — в телевизоре плакала, уткнувшись лицом в стол, дневной прайм-тайм, популярный русский сериал. Где-то полпятого снова посадили в ту же «Газель», повезли по лесной дороге непонятно куда — сначала все шутили, что в лес, потом как-то притихли, потому что а вдруг действительно в лес.

Потом выкладывали ключи и телефоны перед рамкой металлоискателя, потом рассаживались на неудобных стульях в большой комнате, похожей на кинозал, только вместо экрана — толстая в складочку занавеска и перед ней кресло. Кто-то пошутил — сейчас Путин выйдет. А потом он и вышел. Сел в кресло: «Добрый вечер».

Через сорок минут, когда студентов вывели, занавеска зашевелилась и вышли двое. Соломона мы знаем, и это был он, а второй мужчина — в общем, тоже известный, усатый пресс-секретарь. Встали перед президентом, который почему-то так и остался в кресле, стояли над ним — наверное, со стороны это выглядело бы очень смешно, но в комнате они были только втроем, больше никого. Молчали. Усатый улыбался, Соломон облизывал губы. Хотелось пить.

— Хорошо вы им про Канта, Владимир Владимирович, — зачем-то сказал Соломон и покраснел. Президент поднял на него глаза — впервые. Кажется, удивился, что Соломон раздает ему оценки, «хорошо» — а что, он сказал бы, что плохо, если бы было плохо?

— Ладно, Соломон Израилевич, — пресс-секретарь взял Соломона за локоть. — Вам спасибо, и Владимир Владимирович вам тоже очень благодарен, пойдемте, — и потащил к выходу. — Здорово, что мы так быстро обо всем договорились.

— До свиданья, Владимир Владимирович! — уже из середины комнаты громко сказал Соломон. Путин молчал. Домой ехал тем же «Янтарем», что и студенты, только в СВ. Хотелось выпить, но решил, что лучше уже дома, мало ли что в поезде может случиться.